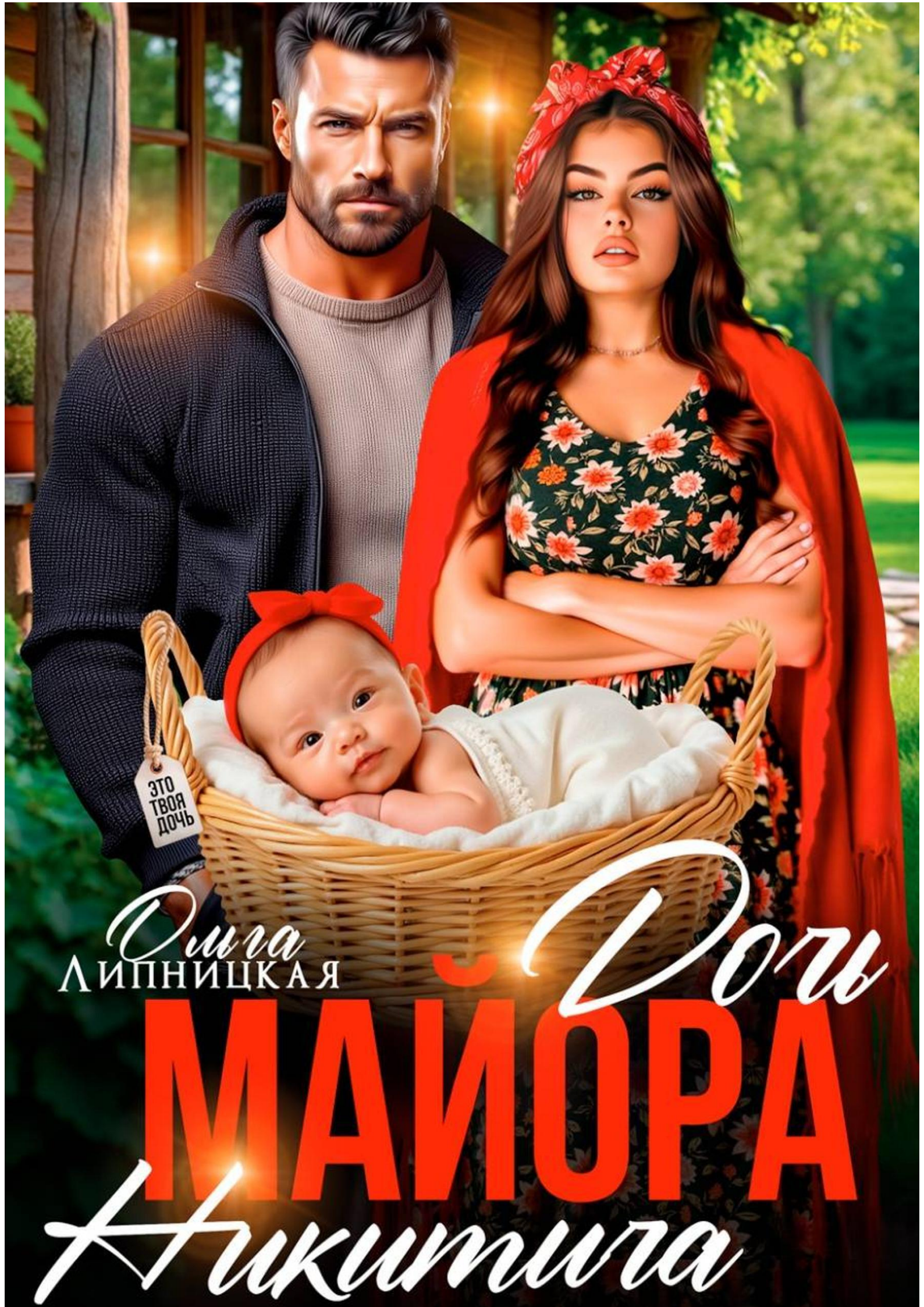

ЭТО
ТВОЯ
ДОЧЬ

Ольга
ЛИПНИЦКАЯ

Дочь
МАЙОРА
Акишмита

Ольга Липницкая

Дочь майора Никитича

«Автор»

2026

Липницкая О.

Дочь майора Никитича / О. Липницкая — «Автор», 2026

Перед ними в обычной деревенской корзине лежал крохотный младенец.— Андрей! – восторженно встретила его жена. – Андрей, это девочка! Представляешь, девочка! Андрей!– Марий! – Никитич строго посмотрел на жену. – В полицию звонить надо.— Не отдам! – гневно распахнула глаза Марийка.— Ты с ума сошла? – майор неопределенно взмахнул рукой, в которой держал корзину, и оттуда вдруг выпала еще незамеченная записка. Позаботься о ней. Это твоя дочь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Липницкая

Дочь майора Никитича

Глава 1

– А-а, а-а, а! А-а, а-а, а!

Вымотанная Марийка качала своего очередного сына на полусогнутых ногах...

Малыш явно мучился животиком и никак не хотел засыпать. Канючил, корежился, искал мамину грудь...

– Баю-баюшки-баю... – напевала почти сорванным голосом роскошная темноволосая женщина. – Не ложися на краю...

В глаза ее будто песка насыпали, в ушах звенело, в ногах гудело...

Или наоборот... Деревенская знахарка уже не понимала... Она испробовала все рецепты, однако... Мальчик! А у мальчиков всегда сильно болят животики... Так уж они устроены, эти мальчики... Марийка знала... Этот у нее был четвертый...

Тихо приоткрылась дверь спальни...

– Давай я... – пробасил шепотом здоровенный мужчина с темной бородой.

Очень тихо, на цыпочках, как умел только он, майор Никитич зашел в спальню, протянул руки.

– Старшие спят, – доложил он жене.

– А этот нет! – прохныкала она.

– Давай я поношу, ты хоть приляг...

Майор, несмотря на сопротивление жены, перехватил из ее рук своего младшего сына...

Марийку с ребенком уже две недели как выписали из роддома, но звали парня по-прежнему «Кнопик».

Марийка настолько хотела девочку, что мальчику даже имя не придумывала, а сейчас ей все казались неподходящими...

– Миша, Саша и Леша у нас есть, – жаловалась мужу она. – Я исчерпала список своих любимых имен!

Майор жену не торопил, но звал сына по-мужски – Андреичем!

– Ну, иди сюда! – Никитич подхватил сына.

Тот еще почти полностью помещался в папину ладошку...

Майор замер, задержал дыхание... Старый циничный вояка, думал ли он когда-нибудь, что судьба подарит ему такое счастье!

Первые дети... Первые трое появились, когда Никитичу было уже за сорок. И сейчас вот этот... Не сказать, что неожиданный, но и не то чтобы запланированный...

Но счастье, совершенно точно счастье!

Майор улыбнулся, прижал скрючившийся комочек к своей широкой груди, накрыл его ладонями...

– Что? Хорошенький? – подмигнул он рыжему коту, зашедшему вслед за Никитичем в спальню.

Помесь мейн-куна и среднерусской рыси нервно дернула хвостом, запрыгнула на прикроватную тумбу и уселась в позе сфинкса.

– Пост принял? – усмехнулся майор и аккуратно дернул кота за ухо.

Это мог позволить себе только Никитич...

Хотя нет... Не так... Позволить себе это могли все, а вот остаться после этого целым и безнаказанным мог только майор... Ну и его сыновья!

– М-м-м-м! М-м-м-м! – красивым басом мурлыкал Никитич.

Его младший сын, то ли устав окончательно, то ли перестав раздражаться из-за запаха мамы, наконец расслабился, растекся по папиному предплечью...

– М-м-м-м! М-м-м-м! – майор улыбался, поглаживая кончиком пальца носик, ушко, лобик...

Андреич уснул...

Майор подхватил с кровати одеялко, укутал крошку, аккуратно, чтобы не спугнуть чуткий сон, уложил малыша в специальный кокон меж родительских подушек и на цыпочках направился к двери.

Рыжий проводил хозяина золотистыми глазами и прыгнул на кровать.

– Охраняй! – дал своему сторожевому коту задание майор и прикрыл дверь.

Заглянул по пути в большую детскую, убедился, что старшие сыновья действительно спят. Все трое. И пошел в гостиную...

– Неужели? – почти простонала Марийка.

– Спит! – довольно пробасил майор, усаживаясь около жены. – С ним Рыжий!

– Ну тогда, – Марийка лукаво прищурилась, потянувшись к мужу, – может быть, – она положила ладонь на его широкую грудь, – мы с тобой...

– Квя-а-а-а! – раздалось громко на всю округу.

– Блин, сейчас еще старших разбудит! – подскочила Мария.

– Да спал же! – стыдливо пробубнил майор, спеша за женой.

Соколовские распахнули дверь спальни, ворвались...

Из тишины темной комнаты на них недоуменно смотрел кот...

– Спит? – спросила мужа удивленная Марийка.

– Спит, – словно не веря сам себе, отозвался Андрей.

– Странно...

Они синхронно отступили назад, закрыли дверь...

– Квя-а-а-а!

Снова спальня! Снова темнота и... кот...

– Спит! – Марийка уже почти злилась.

– Может, он во сне? – склонился над сыном Никитич.

И тут снова очень громко и четко раздалось:

– Квя-а-а-а!

И совершенно явно не из спальни!

Соколовские переглянулись.

Майор шагнул к окну, отвел занавеску.

– Кто-то на веранде? – нахмурилась Марийка.

– Не пойму, – Андрей Никитич быстрым шагом прошел ко входной двери.

Мария, погрозив пальцем коту, прикрыла за собой дверь и поспешила за мужем.

Тот уже успел открыть замок, выйти на улицу и...

Никитич недоуменно стоял в свете ночного фонаря.

Словно не верил в происходящее.

Нет! Это просто не может быть! Ну потому что не может быть! Двадцать первый век на дворе!

– Это... – мямлил он. – Это...

– Андрей, это ребенок! – выкрикнула Марийка.

Перед ними в обычной деревенской корзине лежал крохотный младенец. Едва ли больше их собственного.

– Боже, да он же замерзнет!

У Марийки сработали материнские инстинкты.

– Голодный, наверное!

Она неосознанно обращалась к комочку в мужском роде.

– Мария, подожди! – одернул майор потянувшуюся к корзине жену.

– Сам ты жди! Осень на дворе! Холодно ребенку!

Она выхватила младенца, прижала его к своему теплему мягкому телу...

– Ох ты ж Господи! Мокрый! – приложила руку к попочке. – Даже без подгузника!

Крошка, почувствовавшая аромат материнского молока, немедленно принялась тыкаться в Марийкину грудь, распахивая губки...

– Божечки, сейчас, сейчас!

Женщина медленно развернулась, расстегивая лиф, привычным ей шагом направилась в дом...

Никитич подхватил корзину, внимательно ее осмотрел, присел на корточки, поковырял ногтем доски веранды, вытянул шею, посмотрел на ступеньки...

Решил, что надо взять фонарик, посмотреть следы по двору...

Вернулся в дом...

– Андрей! – восторженно встретила его жена. – Андрей, это девочка! Представляешь, девочка! Андрей!

Марийка аж всхлипывала...

Ребенок был укутан в простое одеялко, перетянут какой-то странной не то веревкой, не то тесьмой... Конечно, Марийка уже развернула его. Ее!

– Девочка, Андрей! – ее голос срывался от эмоций.

– Марий! – Никитич строго посмотрел на жену. – Ты понимаешь, что творишь? Ну девочка, и что? В полицию звонить надо.

– Не отдам! – гневно распахнула глаза Марийка.

– Ты с ума сошла? – возмутился майор. – А если ребенка украли? Сейчас где-то его мать... – он неопределенно взмахнул рукой, в которой держал корзину, и оттуда вдруг выпала еще незамеченная записка.

Оба Соколовских проводили ее хмурым взглядом.

Никитич нагнулся, поднял, развернул...

– Ну? – не прерывая процесс кормления, встала Марийка, заглянула мужу через плечо. – Что там?

Майор шумно сглотнул и побледнел.

В записке была всего одна строчка...

“Позаботься о ней. Это твоя дочь”.

.

Глава 2

– Как? – Никитич метался по комнате, размахивая руками.
Деревенская кухня дышала абсолютным спокойствием и тишиной...

Ни гула машин, ни шума людей... Даже насекомые и птицы уже уснули, и только майор метался по кухне собственного дома, умудряясь орать шепотом.

– Когда бы я успел? – впивался он пальцами в собственные волосы. – Да и... зачем? Зачем мне кто-то? Мария? Как? Это же... Это!..

Деревенская знахарка сидела на диване с каменным лицом, глядя в одну точку перед собой.

Крошка на ее руках равномерно чмокала, фыркая и сопя... Пальчики ее цеплялись за край Марийкиной рубахи, скользили по коже знахарки, прижимались, чуть царапали нестриженными ноготками...

– Мария! – шипел майор, чуть не подпрыгивая. – Посмотри на меня, Мария! Разве я хоть раз дал повод усомниться в себе?

Губы у женщины вздрогнули, но ее красивое лицо оставалось невозмутимым...

На комоде тикали бабкины часы, перевезенные еще из старого дома, тихо гудела запущенная посудомойка...

Марийка и майор молчали.

– Ну Марий? – почти жалобно спросил у жены Никитич сам не понимая что.

Та шмыгнула носом. Глазами, полными слез, посмотрела на мужа... Перевела взгляд на девочку у своей груди.

– А она даже похожа! – всхлипнула Марийка.

– На кого? – простонал Никитич и, не выдержав, упал перед женой на колени.

– На наших мальчишек, – пискнула Мария. – Особенно на младшего...

– Мария! Маша! Пташка моя, солнышко мое, любимая моя! – майор согнулся пополам, потянулся руками к ногам жены. – Я клянусь тебе, я не имею никакого отношения к этому ребенку!

Он вскочил!

Еще раз метнулся по кухне...

– Ну... Ну... Ну когда? – чуть не проорал он.

– Да много ли что ли времени надо! – фыкнула Мария, отвернувшись. – Вон, весь прошлый год у тебя какой-то новый проект был, – ее голос дрогнул. – Даже ночевал в городе, – пропищала она.

Никитич аж посерел...

Действительно. Было. Ночевал.

После одной из таких ночевок он приехал домой, а на кухне у жены мужик со спущенными штанами...

Пока разобрались, что к чему... Потом еще труп из болота выловили...

– Так! – Никитич резко выпрямился, провел ладонью по лицу. – Вообще, – выставил палец, – твое недоверие оскорбительно! – тут же наткнулся на пылающий взгляд деревенской ведьмы, осекся. – Но если ты не веришь мне, то должна верить тесту на отцовство! Сделаем! Сегодня же! Сейчас же!

– Нет! – вскрикнула Марийка, вскочив.

Кроха на ее руках недовольно пискнула...

– Ч-ш-ш-ш, – привычно покачалась женщина, укоризненно посмотрела на мужа. – Нет! – повторила твердым шепотом.

– В смысле? – округлил глаза майор.

– А как ты тест без документов делать будешь? – вскинула подбородок Марийка. – А если ее отберут? – и она еще крепче прижала к себе девочку.

– Мария! – майор смотрел на жену, выпучив глаза.

– Нет! – она отвернулась от него, будто пряча ребенка. – Твой это ребенок или нет, я его не отдам! – посмотрела на мужа через плечо. – Если твой, так еще и лучше, – губы ее снова задрожали. – Будет законное основание ее удочерить...

И оставив совершенно обалдевшего майора в кухне, Марийка медленно пошла в спальню, где уже почти час без нее сладко сопел младший сын.

– Ну нет! – рыкнул майор, опередив жену на шаг. – Нет! – он уверенно взялся за ручку двери спальни.

Марийка недоуменно на него посмотрела...

– Во-первых, ты моя жена! – четко и резко ответил на ее незаданный вопрос майор. – Во-вторых, там мой сын! – он указал пальцем на рыжего кота, прикрывающего кокон. – А в-третьих, – Никитич набрал полную грудь воздуха, – если ты решила сходить с ума, то я не могу тебя бросить в такой момент!

Он уверенно шагнул в спальню, стянул покрывало с кровати.

– Если ты решила, что у нас будет дочь, значит, у нас будет дочь!

Марийка удивленно смотрела, как муж укладывается, подтягивая к себе ребенка...

– Чего? – хмыкнул майор. – Не в первой же табором спать! Ложись!

И он аккуратно раздвинул пространство между подушками так, чтобы поместился еще один младенец...

Сказать, что Дарья Сергеевна обалдела – ничего не сказать.

Она, правда, выразилась по-другому.

– Прости, мне кажется, я испытываю состояние аффективно-когнитивной фрустрации... – пробормотала она, не отрывая взгляда от двух младенцев на руках у Марийки.

Судя по всему, ей казалось, что если она моргнет, то один ребенок обязательно исчезнет.

Ее крохотная копия, сидевшая на руках у Евгена, говорить еще не умела, но смотрела на местную ведьмочку точно таким же взглядом...

Никитич и Марийка позвали свою бывшую няню, пребывавшую ныне в декретном отпуске, посидеть со старшими. Им нужно было отъехать в город на пару часов. Майор все-таки придумал, как доказать собственную невиновность, не выдав происхождение младенца...

– А чего ты не понимаешь? – хмыкнул Никитич. – Мария хотела девочку, Мария достала девочку!

Деревенская знахарка одарила майора прожигающим сталь взглядом...

Но Никитич был уже привыкший! Из него можно было делать гвозди, сваи и прочие опоры, на которых с легкостью бы держалось все его многочисленное семейство...

– А вы... – откашлялся присутствовавший тут же Евген. – Вы, вероятно, в полицию?

– Нет! – выкрикнула Марийка.

– Да! – с нажимом произнес майор.

Евген потупил взгляд, сразу поняв, что зря спросил.

Никитич недовольно шмыгнул носом... И... Нет! Не сдался! Решил применить позицию тактического отступления...

– Для начала сдадим тест ДНК! – буркнул он.

– В смысле? – нахмурился лучший аналитик Соколовского.

– Есть вероятность... – аккуратно начала Марийка, скосила взгляд на двух действительно похожих младенцев.

– Вот! – перебил ее Никитич, подсунув Евгению бумажку, упакованную в прозрачный файл.

Расков только присвистнул...

– А... – в нем моментально ожил следователь. – Отпечатки...

– Пока не снимал. Но все, что было при ребенке, упаковал... – буркнул майор. – Следов на улице никаких нет, – нахмурился он, – будто по воздуху принесли...

Евген присвистнул, почесал затылок, перехватил у жены дочку...

– А в деревне никто ничего не видел? Это ж не щенок, за пазухой не спрячешь!

– Еще не опрашивал! – отмахнулся Никитич. – Пока мне важнее вот! – кивнул на Марийку.

Та лишь поджала губы.

Даша, поняв в чем дело, округлила глаза, посмотрела на подругу так, словно хотела выдать ей гневную тираду, но не произнесла ни слова...

– В общем, спасибо вам, что с мальчиками согласились посидеть! – Марийка повернулась к выходу. – Андрей, бери документы, поехали...

Машина медленно, но уверенно выбиралась с проселочных дорог на асфальт... Ближайшая клиника была, как ни странно, не в Москве, а в райцентре... Анализы там невозможно было сделать день в день. Срок изготовления даже по срочному – сутки, но Соколовские решили, что так проще. Во-первых, детей недалеко везти, а во-вторых, как ни странно, в региональной клинике требовали меньше документов.

Ехали молча...

Квакали дети, Марийка почти профессионально их подкачивала, одинаково с обоими сюсюкала...

Никитич смотрел на нее исподлобья... Неодобрительно...

Марийка это видела и никак не реагировала...

Припарковались ровно в девять у дверей крохотной частной клиники...

– Доброе утро! – улыбнулась им едва переодевшаяся девушка-администратор. – Давайте ваши документы...

Соколовские протянули паспорта и... недавно выданную справку из роддома...

.

Глава 3

Вернулись быстро...

И все также молча...

Занесли люльки со спящими младенцами, поставили около дивана...

В новом доме Соколовских было очень уютно, просторно, светло... Аромат травяного чая и, кажется, омлета, заполнял все пространство. В гостиной мирно возились с детьми Расковы. Точнее, все-таки Даша. Евгений сидел в кресле, работая кроваткой для спящей на его животе дочери.

Андрей с Марийкой внесли люльки со спящими младенцами, поставили около дивана...

Тройняшки, не видевшие еще пополнения, недоумевая, смотрели на два одинаковых автокресла.

Они явно помнили, что вчера конкурент был только один...

Сашка хмурился, Лешка обиженно сопел, а Мишка поднял на родителей растерянный взгляд:

– А завтра их будет трое, да? – спросил он голосом, полным отчаяния.

Евген не выдержал и засмеялся, разбудив свою дочь...

Никитич нервно дернулся.

– Ага, размножаемся почкованием! – буркнул майор.

Марийка же бросила на него гневный взгляд и прошествовала в кухню.

Даша, подхватив с рук мужа свою крохотную копию, последовала за ней.

– Андрей Никитич? – тихо спросил Евгений и вопросительно посмотрел на неожиданно появившееся у Соколовских прибавление.

– Понятия не имею! – шепотом, но очень эмоционально отозвался майор.

– Улики осмотрели? – Евгений перешел в режим эксперта.

– Еще нет! – фыркнул майор, посмотрел на друга и бывшего подчиненного и кивнул на дверь в «Марийкину комнату».

Все лица мужского пола, а точнее, двое мужчин, трое пацанят и один кот, оглянулись на кухню и, не сговариваясь, на цыпочках пошли в коридор...

Собственного кабинета в доме у Никитича не было. Не нуждался майор в такой роскоши.

А вот жена его личную комнатку обустроила. Всякие скляночки, баночки, подвешенные к потолку сухоцветы...

И даже колода старых карт и красивая бутылка с темной жидкостью, на которой Марийка проводила свои магические сеансы...

Бывший аптечный провизор никому не говорила, что уже пошла заочно учиться на психолога... Так ее просьбы односельчан замучили, что решила деревенская ведьма подойти к вопросу профессионально... Ну то есть под карты и свечи вполне себе научным психоанализом заниматься.

Но сейчас все это, конечно, отошло на второй план. Из-за детей. Точнее, из-за одного. Дочери. Непонятно чьей...

– Вот, – шмыгнув носом, майор выставил на стол упакованную в большой мусорный мешок корзину.

Внутри той лежал пакет поменьше с одеялком, шнурком и запиской.

Евген оглянулся, подхватил с полки одноразовые перчатки. Майор, повторил его жест, выдвинул ящик, вытащил большой медицинский пинцет, пацанята раскрыли рты от изумления, а кот запрыгнул на подоконник и напряженно замер, словно караулил.

Первой в ход пошла корзина.

– Это что у нас тут такое? – бормотал себе под нос Евгений, вытаскивая из плотно стянутой лозы какие-то травинки. – Андрей Никитич, дай пакетик, тут грязь какая-то странная...

Двое мужчин очень профессионально исследовали каждый сантиметр упаковки самого чудесного подарка для жены майора...

А женщины тем временем напряженно замерли около закипающего чайника...

– Марий, ну не может же быть... – аккуратно начала Даша.

– Да с чего ты взяла? – пискнула Марийка. – Помнишь прошлую зиму?

Да-а... Время было сложное.

Даша, работавшая весь первый год у Соколовских няней, как раз по осени вышла замуж и работать в полный день не могла. Марийка пыталась наладить быт в одиночку, майор то и дело пропадал в Москве по работе.

Когда Никитич возвращался к измученной жене, они то и дело ссорились, потому что деревенской знахарке не хватало то рук, то сил, то любви и ласки... А Андрей лишь обижался! Он же зарабатывает! Много зарабатывает! Найми ты еще одну няню! И никак этот упрямый служака не мог понять, что Марийке нужна была его помощь, любовь и ласка, а не чья-то еще... В общем, классика семейных недопониманий.

Все это Соколовские, к счастью, преодолели. Но вот, судя по возрасту младенцев, мирно спящих в люльках, зачаты оба были примерно в эти сложные времена.

Даша нахмурилась, прижала к себе покрепче свою дочь.

Дарья Сергеевна Раскова, в девичестве Дашкова – ударение строго на первую «а», – несмотря на то, что стихи, сочиненные ей мужем, любовно переписывала в красивую иллюстрированную тетрадку, была дамой очень рассудительной, практичной, в чем-то даже приземленной.

– Марий, нет, – покачала головой бывшая няня Соколовских. – У тебя же сын того же возраста! – Раскова с вызовом посмотрела на соседку. – Он же от майора? – вскинула бровь бывшая мадемуазель Дашкова.

– В смысле? – изумилась Марийка. – Ты всерьез спрашиваешь?

– А ты всерьез считаешь, что Андрей Никитич мог сначала оплодотворить неизвестную нам всем мадаму, а потом приехать к жене под крылышко? – тем же тоном спросила у деревенской ведьмочки бесстрашная няня.

Марийка задумалась. Отвернулась.

Чайник, возмущенно зашипев, вздрогнул, отщелкнулся, выведя хозяйку дома из тяжелых размышлений.

Она обернулась с таким взглядом, словно увидела что-то, чего не ждала, налила себе кипятка, обхватила руками чашку...

– Ладно! – повернулась наконец она к няне. – Лучше расскажи, что там наша новая учительница... – с деланной беззаботностью спросила подругу она.

– Перед мужем извинись! – проигнорировав вопрос, толкнула ее локтем в бок Даша.

– Вот получу результат анализов, тогда и извинюсь! – фыркнула Марийка.

Но взгляд у нее стал уже виноватый.

– Давай рассказывай, что там с детским садом?

– Не детским садом, а развивающим образовательным центром! – гордо хмыкнула Дарья Раскова, наливая себе травяного чаю с мелиссой и лимонником. – Учителей искать надо! – пожала плечами няня. – А так... запускаемся потихоньку, – улыбнулась она теплой улыбкой человека, любящего свое дело.

– Подожди, – удивленно посмотрела на подругу Марийка. – Так там же к нам приехала новенькая!

– Ой, Марий! – Даша вдруг понизила голос. – Какая-то она...

Тяжелая пауза вместила в себя все эпитеты, что получившая дворянское образование Дарья Сергеевна постеснялась произнести. Нелицеприятные, конечно...

– Че, по мужикам ходит? – понизив голос, уточнила Соколовская.

– Хуже, – поджала губы Даша. – По бабам...

.

Глава 4

Марийка уронила на пол чашку, которую сжимала в ладонях, и впервые порадовалась, что у нее на руках нет ни одного ребенка...

Ну ладно, не впервые...

Но конкретно сейчас, после фразы своей няни и подруги, Марийка была очень рада, что никого не держит.

– В смысле? – округлила глаза она. – Что прям вот...

Как не заставляла себя деревенская знахарка произнести вслух то, что думала – не смогла!

– Ну я вот и не знаю! – потупила взгляд Дарья. – Шастает эта мадам по молодым девчонкам... По одиноким, – Даша понизила голос. – Вон к Таньке Милухиной захаживала, адрес Зойки спрашивала... У Кошкиных постоянно отирается!

– Зачем? – чуть не икнула Марийка. – Анька ж замужем! И у нее четверо детей, двадцать соток огорода и зоопарк! Куда уж ей-то?

– Да вот то-то ж! А эта мадама улучит момент, когда Кири дома нет, и сидит Аньке по ушам ездит, как ей тяжело с детьми, как ей Кирия не помогает...

– Кому тяжело с детьми, учительнице?

– Да нет же! Аньке! – всплеснула свободной рукой Даша.

– А чего та ее не выгонит? – нахмурилась Марийка.

– Так учительница же ж! – округлила глаза Даша. – У Аньки все четверо в школу-то ходят!

Женщины замолчали. Каждая задумалась о своем. Но обеим ситуация явно не нравилась.

– В общем, странная она какая-то, эта учительница, – тихонько вздохнула Даша.

– А Женька что? – спросила подругу Марийка.

Ей и в голову прийти не могло, что Даша своими подозрениями с мужем не поделится.

– Кто? – неожиданно нахмурилась Раскова.

– Ну, Евгений! Блин! – засмеялась деревенская знахарка.

– А! – взмахнула рукой няня, покраснела. – Ой... Его ж Женей никто не зовет, я уже и отвыкла.

– Ну и зря, – хмыкнула Марийка и многозначительно посмотрела на стоявшие у дивана люльки. – Хорошее имя – Женя, – произнесла она таинственно.

Но Дарья Сергеевна к вопросу имени цепляться не стала, решила ответить по существу:

– Евгений считает, что учительница у нас в этом смысле того, – Даша взмахнула рукой, – нормальная...

– Это он как понял? – изогнула бровь Марийка.

– Это он говорит, что видел, как она на мужиков засматривается, – поджав губы, процедила Даша.

– На каких?! – ахнула Марийка.

Дарья Сергеевна только плотнее сжала губы...

– Ах она... – чуть не во весь голос завопила деревенская ведьма.

Тут же сама себя одернула, посмотрела на люльки.

– Вот коза! – произнесла тише. – Ну ты ж Евгению веришь? – внимательно посмотрела на подругу.

– Верю, – кивнула Даша, перевела взгляд на дочь. – А ты майору?

Марийка задумалась, вышла из кухни, еще раз внимательно посмотрела на люльки, потом куда-то вглубь дома, откуда раздавались странным сдавленными смешками и детский лепет... И промолчала... Лишь тяжело вздохнула.

– Давай я осколки чашки уберу, пока мелюзга не проснулась.

Даша грустно посмотрела на подругу, но больше сыпать соль на рану не стала. Спокойно села на диван, покачивая свою доченьку. Перед ней стояли две автолюльки со спящими младенцами, похожими... очень похожими между собой.

Остаток дня пролетел незаметно.

Проснулись младшие, прибежали на кухню старшие, многозначительно посмотрели из коридора коты...

Быт и рутина закружили Марийку в круговороте дел, и она даже не заметила, как Евгений прополз по всему ее двору и вдоль забора с пинцетом и пакетами.

Майор забрал старших сыновей гулять в поле, а деревенская ведьмочка достала старую коляску для двойни, уложила туда обоих младенцев и с абсолютно невозмутимым лицом поехала по деревне.

Она была настолько поглощена размышлениями, что попросту игнорировала все вопросы и удивленные взгляды... Марийка занималась своими детьми...

Ночь спали плохо.

Кнопик... Ну или Андреич, опять беспокоился с животиком. Кнопа спокойно спала рядом, на зависть всем Соколовским, просыпалась за ночь раза три всего, получала вожделенную все теми же Соколовскими Марийкину грудь и снова засыпала, прижимаясь к чьему-то теплему телу... Ей было все равно к чьему – к мохнатой крепкой груди майора эта кроха жалась так же нежно, как к мягкой и ароматной ведьмочке.

А на утро Марийка вскочила раньше будильника и схватилась за телефон...

– Марий! – недовольно приоткрыл один глаз майор. – Окстись, они же с девяти...

Ему не нужно было спрашивать, что там жена пытается высмотреть.

Деревенская знахарка недовольно посмотрела на мужа, который подгрел к себе под бок сразу обоих младенцев, фыркнула и решила выпить утренний чай в одиночестве...

Но едва лишь закипел чайник, как ее новенький смартфон пикинул сообщением:

«Заказ готов!»

– Готов! – забежала она в спальню, шепча. – Готов!

– Ну готов, ну и?! – разозлился майор. – Что, будить детей что ли будешь?

Марийка поджала губы, отметила про себя, что Андрей не очень-то спешит в клинику, насупилась и снова ушла в кухню.

Но, конечно, столь настойчивый шепот родителей не остался незамеченным, и постепенно из комнат выползли сначала коты, потом майор с Кнопиком, потом Миша с Лешей... А потом...

– Что, детей с собой возьмем или опять Дашу вызовем? – спокойно, но категорично уточнила у мужа Марийка.

Тот лишь вздохнул и набрал номер Евгения...

В этот раз тоже ехали молча.

Ну как молча...

Орали на три глотки. Выспавшиеся младенцы возмущались, что их снова заперли в люльки, Марийка пыталась потешками и песенками успокоить хоть кого-нибудь из них, а майор лишь крепче стискивал руль и зубы.

В клинику приехали akurat к открытию...

Девочка-администратор, поправляя халат, усадила их в приемной комнатке...

– Вы тест на отцовство сдавали, да? – смущенно посмотрела она на майора.

– Да! – ответила вместо него его жена, качавшая ребенка. – Мы очень хотим знать, отец он, – Марийка подкинула одного из младенцев, перевела взгляд на мужа, – или не отец!

Никитич лишь недовольно крикнул, но уверенно посмотрел на администраторшу.

– Сейчас, – закивала покрасневшая до корней волос девчушка. – Сейчас распечатаю.

Горячие листы медленно выползали из принтера. И чем больше их становилось, тем сильнее распахивались глаза несчастной девушки...

– Ну, что там? – нетерпеливо шагнул к стойке майор.

– Вероятность отцовства... – начала читать она официальную формулировку.

Запнулась. Еще гуще покраснела. Виновато посмотрела почему-то на Марийку и все же дочитала:

– Вероятность отцовства ноль процентов.

.

Глава 5

– Ноль? – выкрикнула Марийка.

– Ноль, – пискнула девушка-администратор и втянула голову в плечи.

– Ну! – Никитич резко обернулся к Марийке, но, вопреки ожиданиям персонала клиники, на его лице расцвела такая торжествующая, такая сияющая улыбка, что администраторше стало еще страшнее.

Рука девушки судорожно потянулась к кнопке вызова охраны.

– Андрей! – всхлипнула Марийка. – Прости меня! – губы ее искривились, слезы потекли по щекам. – Прости меня, родной!

– Я же тебе говорил! Говорил! – взвыл Никитич.

– Прости!

И красивая, яркая женщина, прижимающая к себе младенца, к удивлению администраторши и вбежавшего охранника, бросилась мужу на грудь!

– Вот дурочка ты у меня! Вот дурочка! – к еще большему удивлению вышеназванных лиц, причитал ее муж, целуя эту странную даму то в волосы, то в мокрые от слез щеки.

– Зачем вызывала? – грубо рыкнул в сторону администраторши запыхавшийся охранник. Та молча указала пальцем на обнимающуюся пару, похлопала глазами...

– Ну? – насупился мужик в зеленой форме. – Чего не так-то?

– Может, это, – откашлялась она, – того... Психолога?

– Себе психолога вызовите! – в сердцах высказалась Марийка, не отлипая от мужа.

Ребенок у нее на руках квякнул, пискнул...

– Ой! – встрепенулась деревенская ведьмочка. – Женечка!

– Женечка? – удивленно посмотрел и на жену, и на младенца майор.

– Женечка, – уверенно кивнула Марийка. – Вот у нас дома теперь есть Женечка и... – она запнулась, подняла на мужа умоляющий взгляд. – Женечка Соколовские...

– Кхм... – откашлялся майор, обернулся к персоналу клиники. – Вы еще не передумали психолога вызывать?

В этот раз в машине орали не дети... Гул мотора заглушали два взрослых, взвинченных до предела голоса, выплескивавших в тесное пространство салона всю свою ярость, растерянность и страх.

– Как ты себе это представляешь? – возмущался Никитич, его голос гремел, как раскат грома, и от этого стекла, казалось, звенели. – У тебя одна справка из роддома! – он яростно размахивал руками, словно отгоняя от себя абсурдность всего происходящего. – Одна!

– Ну с этим же можно что-то сделать! – совершенно по-детски всхлипывая и глотая слезы, хныкала Марийка.

Ее пальцы бессильно теребили край кофты, губы дрожали, брови расстроено изгибались.

– Что? – ядовито выкрикнул майор, и его ладонь со всей силы ударила по рулю.

Резкий гудок оглушительно прорвался в крик, заставив младенцев в люльках удивленно распахнуть глаза.

– Что ты с этим сделаешь?

– Ну... – безнадежно сморщила лоб Марийка, в ее глазах мелькнула паническая, отчаянная попытка найти решение там, где его не могло быть. – Пойду в роддом, скажу, что потеряла...

– Кого? – едва сдерживая ярость, сквозь зубы процедил Никитич. – Ребенка?

– Справку! – проямлила она, сама понимая всю нелепость этой затеи.

– Да блин! – майор с силой ударил себя по коленке, скривившись от бессилия.

– Ну все ж свои! – продолжала лепетать Марийка, пытаясь ухватиться за эту соломинку.
– Деревня ж!

– Вот именно! Деревня! Свои! – взревел он, и его лицо приблизилось к ней, покрасневшее от напряжения. – Все! Знают, что ты родила мальчика! Одного!

– Нет! – вдруг вскинулась Марийка, и в ее глазах вспыхнул ошалелый, безумный огонек.
– Двойню! Как обычно!

Повисла тягучая, гнетущая пауза, нарушаемая лишь сопением притихших младенцев.

Майор тяжело крикнул, словно под грузом этой чудовищной идеи, мотнул головой. Он недовольно зыркнул на двух до странного похожих младенцев, явно задаваясь вопросом, какого черта их не один, а целых два. И прикусил губу, словно силясь сдержать поток непечальных слов, готовых вот-вот сорваться с его языка.

Разъяренный Никитич неаккуратно затормозил у собственного дома, вышел с водительского места, хлопнув дверью так, что через двор у соседки куры вздрогнули, но при этом забрать люльки с заднего сиденья не забыл. Недавно ж рожавшей Марийке их нести.

– Андрей!

Марийка бежала перед мужем, открывая двери.

– Ну, Андрей!

– Марий, ты понимаешь, что то, что ты задумала – это уголовное преступление?! – громыхал майор, стараясь не размахивать руками, в которых были люльки. – Ты себе пятого ребенка хочешь, а ради него предыдущие четыре без матери останутся...

– Андрей, – плакала почти навзрыд ведьмочка. – Ну можно же что-то придумать?

– Что? Ну что? Ну давай родим еще одного! – Соколовский в сердцах поставил люльки у дивана, всплеснул руками.

– Ну родим! А эту куда девать? – вцепилась в одну из люлек Марийка. – Она же вот есть уже, – в ее голосе появилась певучая нежность. – С нами живет, хорошенькая такая...

Никитич только крепко зажмурился, потряс головой...

– Так, – выдохнул резко. – Я пойду у Расковых старших заберу!

И широким шагом вышел из дома.

Евген с Дашей пока так и жили в стареньком домишке недалеко от майора. Избушка была надежная, хоть и маленькая. Евген то и дело что-то подделывал, усовершенствовал, а Даша украшала и модернизировала. Так что, в общем, эти двое строиться пока не собирались.

Им места хватало.

Даже когда в гости приходили трое Соколят...

Правда, в этот раз вся ватага была во дворе, и гвалт стоял невообразимый!

– Миша, оставь кота! – безмятежным айсбергом возвышалась в кишащей куче мелких тел Дарья Сергеевна.

– Это мой! – пропищал кто-то темненький снизу.

– Мне все равно чей, оставь! Мои уши этого не выдержат. Саша, выпусти петуха! И не говори, что он твой.

Расстроенный, оскорбленный в лучших чувствах рыжий петух вырвался и быстрым шагом поковылял в сторону огорода. Всем уже было все равно, чей он. Лишь бы живой ушел.

– Леша! – строго проговорила Раскова. – Леша, откуда ты взял пони? Нет! Нельзя! И осла тоже нельзя! Будешь себя хорошо вести – научу управлять поросенком!

– Даш, – выдохнул майор с облегчением.

Этот гвалт ему нравился гораздо больше, чем слезы Марийки. Можно сказать, попал в родную стихию.

– Даш, давай детей.

– Андрей Никитич, погодите, – невозмутимо отозвалась Дарья Сергеевна. – У Евгения были какие-то новости по поводу корзины.

– Понял, – кивнул майор и, подняв на руки кого-то, вцепившегося в его штанину, пошел в дом.

– Женечка! – ядовито пробасил Соколовский к полному недоумению Евгения Раскова. – Ну давай, выкладывай, что там с грязью.

– С грязью тут все очень интересно! – подскочил из-за стола готовивший ужин Евген. – Анализ я получил! Презабавный, надо сказать!

.

А Марийка возилась в незапертом доме.

Она, в принципе, подозревала, что муж ее, ушедший к Расковым, быстро не вернется. Даже была почти уверена, что он там застрянет. И также была почти уверена в том, что Даша среди мужиков отираться не будет, а придет с мальчишками к ней.

Поэтому, когда во дворе мелькнул женский силуэт, Марийка не заволновалась.

Дверь открылась, раздался стук в притолоку...

– Чего стучишь? – выкрикнула из кухни деревенская ведьмочка. – Заходи!

Подхватила одного из младенцев, резко обернулась к дверям и вздрогнула! В коридоре стояла новенькая деревенская учительница.

.

Глава 6

– Вот все мужики такие! – поджимала губы Марийкина гостя.

Молодая учительница начальных классов звалась Ниной Аркадьевной. И имя это ей удивительно не шло. Плавная мелодика имени и уютная отчества нелепо контрастировала с острым крысиным взглядом, вечно поджатыми губами и постоянно дергающимся кончиком носа.

Внешностью учительница была не обделена. В спящем виде, скорее всего, была даже красива. Но как только она открывала глаза или рот...

Слушать ее и не содрогаться от брезгливости было невозможно.

– Он, значит, на тебя всех детей повесил, а сам к другу ушел! – тоном старой ворчливой бабки гундосила учительница, попивая свежесваренный чай. – Это еще надо проверить, к другу ли... А то вот так уйдет, – училка язвительно улыбнулась, – и не вернется! У меня у сестры двоюродной так муж ушел! Она только уведомление потом на «Госуслугах» получила, – скривила губы Нина Аркадьевна. – До сих пор за алименты судится.

– Никуда он не ушел! – мотнула головой вдруг запаниковавшая Марийка. – Он за тремя старшими пошел.

– Боже! У тебя пять детей! – аж вскочила учительница, заламывая руки. – Как же ты, бедная?!

– Ниче я не бедная, – нахмурилась Марийка, но тут же прикусила себе язык.

Очень уж складно, театрально, патетически выступала эта дама. Возникало ощущение, что все ее разговоры преследовали какую-то цель. И вовсе не ту, о которой подумали большинство женщин деревни...

– Тяжело, конечно, – выдавила из себя Марийка, покрепче прижала проснувшегося младенца, отвернулась.

Но украдкой, через зеркало, поглядывала за меняющимся лицом заезжей училки.

– Вот! – Нина Аркадьевна хищно склонилась над автолюлькой. – Вот зачем тебе такая головная боль? Это же сейчас еще, считай, легко! Подгузник поменял, во двор выставил и живи... А потом? Садик, школа, пубертат, прыщи, скандалы! А если не в ту степь пойдет, свяжется с плохой компанией? – закатила глаза учительница. – Будешь в детскую комнату полиции, как к себе домой, приходите! А если...

– погоди! – прервала этот невыносимый поток негатива Марийка. – Какая детская комната полиции, им и месяца еще нет?!

– Ой, время, знаешь, как летит! – с удивительным спокойствием отмахнулась Нина Аркадьевна. – Тем более у тебя еще старшие, – она отпила чая с таким видом, будто рассуждала об урожае помидоров. – Куда ж тебе их всех вытянуть? Начнут спрашивать, почему мы живем в деревне, почему мы не ездим на море, а почему у нас нет дорогих телефонов?! – хмыкнула училка. – Дети сейчас, знаешь, какие жестокие!

– Уже родила! – не выдержала Марийка. – Назад не засунешь!

И поцеловала сына, который отчего-то ей показался очень тяжелым.

– Ну, – учительница, словно нехотя, встала. – Есть варианты, – произнесла загадочно, отвернулась к двери. – Ты подумай, надо ли оно тебе, – высокомерно бросила она. – Свою-то жизнь не вернешь! Самые лучшие годы непонятно на что растратишь! – махнула она пальчиками. – Бывай! Я еще зайду!

И ушла, оставив Марийку в полном недоумении.

Деревенская знахарка смотрела на входную дверь широко раскрытыми глазами, аж пошевелиться не могла.

Люлька вякнула, Марийка вздрогнула, наклонилась, подхватила второго младенца, прижала к себе обоих, будто это было самое дорогое сокровище на свете, всхлипнула...

Крохотные ручонки зашарили по ее кофте, носики наморщились, губки зашевелились...
– Да мои ж вы драгоценные! – прижалась к детям Марийка и потянулась к телефону.

– Суглинок, но не речной суглинок! – Евгений внимательно смотрел на Никитича.

У него был вид охотничьей собаки, нашедшей лежанку: глаза блестели, на скулах обозначился румянец, а пальцы лихорадочно бегали по клавиатуре, вытаскивая из почты все новые и новые документы.

– Вот смотри! – победоносно ткнул в монитор Расков.

– Ну? – нахмурился майор. – Микробиология?

– Ага! – кивнул Евгений. – Обнаружена тонкодисперсная глина, плесневые грибы и, – лучший аналитик Никитича вскинул кверху указательный палец, – следы ржавчины!

– Ржавчина? – нахмурился майор. – Трубопровод какой старый что ли?

– Не обязательно, – мотнул головой Евгений, снова защелкал клавишами. – Вот есть остатки синтетических моющих средств. Причем не бытовых. Специфических.

– Это что значит? Прачка? – Никитич склонился над монитором, вчитываясь.

– Знаешь, я думаю, что автомойка, – Евгений открыл еще один документ. – Хроматография показывает следы машинного масла. Причем отработанного.

– Может, просто котел топят отработкой, – проговорил Никитич, не отворачиваясь от экрана.

– Может, – кивнул Евгений. – Только нет еще холодов, чтоб топить.

– Могли заранее запасти, – стоял на своем майор.

– Тогда бы ПАВы и масло были слоями, – поморщился Евгений, – а оно будто единой субстанцией.

– Понял, – вздохнул майор. – В общем, две основные версии, – он загнул пальцы. – Прачка, автомойка...

– Химчистка, – пожал плечами Евгений.

– Химчистка, – кивнул майор, запоминая версии. – Может, даже стройка!

– Да! – вскинул брови аналитик. – Легко! Или, например...

– Андрей! – вскрикнула с непривычной для нее эмоциональностью Дарья Сергеевна. – Андрей! Где ваш телефон?!

Она держала подмышкой какого-то ребенка и тревожно прижимала к груди свой смартфон.

– Черт! – похлопал себя по карманам майор. – В машине, наверное.

– Срочно домой! – округлила глаза няня. – Марийка!

.

Глава 7

Крики. Детские вопли. Сбежавшие из дома кошки или мокрая от слез любимая шаль жены.

Никитич был готов ко всему. Но только не к тому, что увидел.

Марийка стояла у окна с Кнопиком на руках. Малыш спокойно напитывался маминым молоком, а сама деревенская ведьмочка, плотно сжав губы, смотрела вдаль.

– Мария? – аккуратно позвал жену Никитич.

Она обернулась. В ее глазах, обычно таких живых и насмешливых, стоял холодный, обдуманный гнев.

– Андрей, эта учительница – кто угодно, только не учительница! – выдохнула она, стараясь не шевелиться, чтобы не потревожить сына. – Люди с такими... ценностями в школу не идут. Им бы в сектах проповедовать.

– Ну подожди, Марий, – потряс головой майор, выслушав короткий пересказ. – Ну, может, просто выгорела баба... Работы много, денег мало, дети неблагодарные...

– Нет, Андрей, ты не понимаешь! – в глазах деревенской знахарки вспыхнули недобрые огоньки. – Это не выгорание! Это жизненная позиция! Те, кто выгорели, скажут: «Как же меня все задолбало!» или «Понарожают, а воспитывать школа должна!», а эта... Эта... – Марийка аж задохнулась от гнева, все-таки неаккуратно дернулась, чем вызвала бурное возмущение сына.

– Сейчас, сейчас, – проворковала, усаживаясь на диван. – Сейчас, – подтянула к себе под локоть подушку. – Понимаешь, она!..

И тут заверещала Кнопа!

– Ой, Господи! – трепетно вскинулась женщина.

– Сиди уж! – буркнул майор, склонился к люльке. – Обоссалась, да? – спрашивал он, не у жены, конечно.

У крохотного чернявенького комочка, доверчиво притихшего на его руках.

– Эка ты чистюля! Прям сразу тебе чистый подгузник подавай! – майор девчущку вроде как упрекнул, но с такой теплотой в голосе, что Мария аж заслушалась.

Никитич, между тем, хорошо отработанным жестом снял полный подгузник, ловко ополоснул розовую попу под струей теплой воды, укутал в полотенце.

– Ну! – посмотрел на жену, словно их разговор и не прерывался. – Чего тебе не так-то?

– Она меня от детей отговаривала! – прямо высказала Марийка свою догадку. – Не возмущалась, что в школе много работы, а вроде как мне говорила: «Зачем понарожала? Тебе с ними плохо будет!»

– Пф-ф-ф! – фыркнул майор. – Зачем?

– Вот и я хочу знать зачем! – абсолютно серьезно смотрела мужу в глаза Марийка. – Она уже всех молодых баб в деревне обошла! А у молодой бабы что? – прищурилась.

А майор покраснел.

– У молодой бабы – маленькие дети! – вместо мужа закончила Марийка, закатив глаза.

– Да не у всех же! – оттопырил губу Никитич.

– А прошла она по тем, у кого есть! – настаивала на своем Марийка.

Майор вздохнул, задумчиво поймал ладошку крохи, которая пыталась потрогать его бороду, на автомате поцеловал пальчики... Вряд ли понимал, что делает, просто жест такой привычный, естественный...

– Слушай, а ты права, – пробормотал он тихо после пары минут раздумий. – И как раз по многодетным в основном шарится. Анька Кошка от нее уже воет.

– Вот! – победоносно произнесла Марийка.

– М-да... – оттопырил губы майор. – Надо бы пробить дамочку...

– Угу! – с очень довольным видом кивнула деревенская знахарка.
– А личное дело ее в районо, – задумчиво потер лоб майор. – Надо спросить, может, Даша его видела... Ну или Чибис! Короче!.. – он развернулся, направился к выходу.
– Ребенка положи! – в спину мужу выкрикнула Марийка.
– Чего? – нахмурился тот. – Кого? – посмотрел на свои руки. – А!
Шагнул к люльке, опустил в нее Кнопу...
– А-а-а-а-а! – раздалось тут же.
– Ну блин! – крохотная малышка моментально вернулась в руки майора.
Погладил, качнул, поцеловал макушку, снова попробовал положить...
– А-а-а-а-а-а!
– Да ешкин кот! – обернулся почему-то на мирно спящего Рыжего. – Она ела когда? – спросил жену, не кота.
– Да только что! Перед Кнопиком, – пожала плечами Марийка.
– Ну я тогда с ней сбегая! Тут до Чибиса два плевка!
И не дожидаясь вердикта жены, майор подхватил с люльки детское одеяльце и быстро шагнул за порог.

– Да вроде обычная! – пожимала плечами Дарья Сергеевна. – Конечно, я видела ее досье!
– Ну хоть что-то мне дай! – фыркал Никитич, пританцовывая с дочкой на руках.
– Что значит «что-то»? – передразнила его педантичная Дарья Сергеевна Раскова, в девичестве Дашкова – ударение строго на первую «а». – Окончила Краснодарский педагогический университет по специальности учитель русского языка и литературы. На пятом курсе получила также квалификацию учитель младших классов. В данный момент учебу продолжает, хочет получить корочку педагога-психолога.

– Во как! – присвистнул Никитич.

Мысль о «профвыгорании» окончательно показалась ему идиотской. Уставшие от работы люди не получают три образования подряд. Это пахло не выгоранием, а фанатизмом. Или тщательно продуманной легендой.

– Работала в двадцать шестом лицее, у себя там, в Краснодаре, по семейным обстоятельствам в прошлом году переехала в Москву. В самой столице устроиться не смогла, вот начала с Подмосковья, – пожала плечами Раскова, давая понять, что она закончила свою справку.

– Спасибо, Даш! – кивнул Никитич, думая, как же все-таки им с няней повезло. – Я все проверю!

Даша благосклонно улыбнулась. Она, конечно, понимала, что проверять Никитич будет не ее слова, а факты биографии Нины Аркадьевны...

На руках у майора завозилась кроха, мужчина ловко перекинул ее на другое плечо:

– Гвардия! Домой! – пробасил на весь двор.

Из-за кустов сирени, словно диверсанты из засады, высыпали трое... нет, стоп... двое... Черт, все-таки трое пацанов, таша за собой нечто мохнатое, грязное и активно упирающееся. Никитич брезгливо зажмурился. «Лишь бы не еж. И чтобы в рот не тянули. Остальное переживем».

– Погнали! – кивнул он на ворота.

С веселым улюлюканьем маленький отряд, усиленный мохнатым пленником, ринулся в сторону дома. Никитич замыкал шествие, чувствуя, как на его плече затихает ровное дыхание заснувшей дочки.

Он понимал, что надо жену разгрузить, поэтому расследование с Евгеном пока отложил. Собрал на кухне пацанов, усадил за стол, Кнопу сдал жене, а сам взялся за телефон...

Ага... Вот он... Краснодарский лицей номер двадцать шесть...

Номер нашелся быстро. Длинные гудки. Раз. Два. Пять. Десять. На другом конце провода никто не снимал трубку. Звонок обрывался сам собой. Никитич нахмурился. Повторил – та же история. Третий раз... Четвертый... На пятой попытке он уже не просто злился, а чувствовал холодок под ложечкой – тот самый, что всегда предвещал попадание в цель.

Он нашел номер Краснодарского районного отдела образования.

– Алло! Здравствуйте! Соедините, пожалуйста, с дирекцией лицея номер двадцать шесть, – коротко бросил он в трубку, стараясь говорить максимально нейтрально.

– Двадцать шестой? – голос на том конце провода прозвучал искренне удивленным. – Да он же третий год как закрыт! Капитальный ремонт там идет, все разобрано. Все классы расформированы и распределены по другим школам.

– А... учителя? – голос Никитича стал тише и опаснее.

– И учителя, естественно, – подтвердил собеседник. – Нет школы – нет и педагогического состава. Скажите, а что вас инт...

Но Никитич уже не слушал. Он медленно опустил трубку. Гулкий треск положенной на рычаги трубки прозвучал как выстрел. В тишине кухни было слышно, как на улице лают собаки и где-то далеко мычит корова. А в голове у майора стояла идеальная, выхолощенная тишина. Тишина, которая наступает, когда все детали пазла складываются, собираясь в единую картину. И та картина, которая получилась у Никитича, ему очень не нравилась.

Глава 8

Военсовет собрался, как обычно, у Чибисов.

– А как все гладко-то, а? – Юрий, недавно вернувшийся с работы, внимательно разглядывал досье учительницы.

– Слишком гладко для дамы, приехавшей работать в деревню, – скривился Евгений.

– И почему мы раньше на нее не обратили внимания? – нахмурился Никитич.

– Не привлекала она к себе внимания, вот и не обратили, – фыркнул Женька. – А вот тут она адресочком ошиблась, решила Марийке рассказать, что детей у нее слишком много.

Майор недовольно скривился.

Не бывает слишком много детей у женщины, которая была уверена в своем бесплодии.

Вон, четверых сама родила, пятого с улицы притащила!

Соколовский посмотрел в окно, где со всей этой ватагой ворковали подружки-кумушки.

Кажется, именно сейчас Ленка раздавала девчачьи футболочки и комбезики своим подругам. Первая из дочек в этой компании, Надюшка Чибис, росла быстро, так что гардероб доходил до Марины Евгеньевны Расковой почти в неизменном виде. Кое-что прям с этикетками. Ну а оттуда передавалось теперь уже имеющим дочь Соколовским.

Никитич как раз смотрел, как Марийка азартно перебирает смешные юбочки и шапочки с накладными цветками.

– Марий! – окликнул он ее раздраженно. – Ну сколько можно набирать! У нас же дома три шкафа вещей!

– Ничего ты не понимаешь! – отмахнулась от него жена. – Это же де-е-е-евочка!

И со счастливой улыбкой продолжила перебирать розовые песочники.

Майор только закатил глаза и покачал головой.

– Так, давай мне кого-нибудь, пошли домой, спать пора, – Никитич попрощался с мужиками, подхватил какого-то чернявенького пацаненка.

Замер, внимательно на него посмотрел, поставил обратно, взял другого.

– Андрюш, Женечка, видимо, опять животиком мучается, – пожаловалась ему Марийка. – Возьми Женечку.

– Женечка, Женечка... – заворчал майор, подхватывая крохотную девочку. – Пооригинальней ничего не могла придумать?

– А тебе что, имя не нравится? – хмыкнула Марийка.

– Путаться будем, – буркнул майор.

– Не будем, – довольно улыбнулась деревенская ведьмочка, отметив про себя, что в картине мира ее мужа девочка уже стала частью семьи.

Домой пришли быстро.

Большая ванная наполнилась пеной, резиновыми крокодилами, утками, корабликами и мальчишками. Тремя. Младших купали пока на руках. В пластиковый таз набрали теплой воды, Марийка добавила крепкого отвара ромашки...

– Держи, – передала она майору младшего сына.

Купать – это была его обязанность. Марийка долго склонившись после родов не выдерживала, спина не позволяла...

Пока Женечка булькал и дергал ножками, ведьмочка улеглась кормить Женечку.

Майор, смешно воркуя, промывал складочки, капал малышу на носик, протирал ушки, глазки... С нежностью, которая свойственна только настоящим мужчинам, укутал ребенка в полотенце.

– Давай, мама, пересменка.

И в ванную полетел следующий Женечка. Точнее, следующая.

Марийка замерла. Физически прикусила себе язык.

Но из ванной все тем же тоном раздавалось лишь:

– Водичка, водичка, умой мое личико...

Ну еще немножко веселый гогот пацанов и тихое воркование сытой и довольной девочки.

Ведьмочка аж встала и на цыпочках подошла к дверям в ванную. Майор стоял, склонившись над ванночкой, и нежно, с любовью улыбался, внимательно разглядывая крошку в своих руках.

Наутро Соколовский засобирался в Москву.

– Отпуск же еще не закончился?! – удивилась Марийка.

– Да мне ненадолго! – отмахнулся майор. – По делам!

В свои дела Никитич жену никогда не посвящал. Ну почти. Если только совсем чуть-чуть. Когда Марийка сама уже в тех делах увязала по уши.

– А ты к Даше иди, там тоже работенка есть, – загадочно обронил на ходу майор и уехал.

А Марийка, хмыкнув, действительно пошла к своей подруге. Она все равно туда собиралась.

Дарья Сергеевна Раскова, в девичестве Дашкова, принялась воплощать в жизнь план, разработанный накануне мужчинами.

Ей захотелось обменяться опытом с новой учительницей. Дарья Сергеевна, примерно за месяц до рождения своей дочери, все же зарегистрировала детское образовательное учреждение широкого профиля.

И сейчас она по телефону уговаривала учительницу увидеться и обменяться опытом.

– Да, да, конечно, я понимаю, что вы очень заняты, – Дарья Сергеевна округляла глаза, что, впрочем, никак не отражалось на ее идеально выверенных интонациях. – Я могу оплатить ваше время! Мне очень нужно! Я была бы безумно рада!

Разговор продолжался более пятнадцати минут.

– Не согласилась, – с раздражением оттолкнула от себя телефон Дарья Сергеевна. – Просто зайти и поговорить об обучении! Вы можете себе такое представить? – она обвела взглядом подруг. – По девкам деревенским шастать у нее есть время, а поговорить о методике и педагогике нет.

– Ох, не к добру это! – протянула Ленка.

– Ну, может, Андрей что выяснит, – хмыкнула Марийка.

Подруги на нее удивленно посмотрели.

– Ну он в Москву укатил, – отмахнулась она. – Работы еще нет, а какие-то таинственные «дела».

Женщины переглянулись, понимающе усмехнулись...

– Так! – поднялась Марийка. – Ладно, пошла я домой. Даш, старшие у тебя?

– У меня, – кивнула Раскова. – Сейчас Колька придет, будут кораблики мастерить.

– Оставьте мне хотя бы пятнадцать пальцев, – округлила глаза Марийка и, подхватив две люльки, сбежала из детского сада под громкий смех подруг.

Ее день неспешно тянулся в привычной суете.

Младенцы, к Марийкиной радости, по дороге укачались в коляске и уснули. Она приказала Рыжему смотреть за люльками, а сама запустила по дому робот-пылесос.

Дел у нее было немного: запустить стирку, поставить вариться бульон, начистить килограмма два картошки, курицу специями натереть, замариновать, бисквит взбить, в духовку засунуть.

Так, в общем, всего ничего...

И она почти все успела, когда с веранды раздался детский плач.

И все бы ничего, только тут же протяжно и очень грозно завыл кот.

.

Глава 9

– Вы еще кто такие? И что вы тут устроили? – выскочила на веранду Марийка и застыла в позе разгневанной богини, уперев руки в боки.

Рядом с мирно посапывающими младенцами и шипящим, взъерошенным котом высились, словно монументы бюрократического безумия, три женских фигуры.

Хотя назвать их женщинами язык не поворачивался – тетки! Или даже карикатуры на теток. Юбки немыслимого кроя, пиджаки, готовые лопнуть на откормленных боках, волосы, засаленные и стянутые в тощие пучки.

Их очки с толстыми линзами увеличивали глаза, делая взгляд пустым и стеклянным, как у глубоководных рыб. А рядом, словно муха, назойливо жужжала и юлила учительница Нина Аркадьевна.

– Вот! – взвизгнула она, источая ядовитое торжество. – Ну, вы же видите! Сами видите!

Три казенные фурии синхронно повернули к Марийке свои лица. В их взглядах читалось не просто пренебрежение – вселенская, глубокая брезгливость ко всему живому, не упакованному в инструкции.

– Личность абсолютно асоциальна! – впала в канцелярский экстаз Нина Аркадьевна. – Вы знаете, чем она занимается? Шарлатанка! Маргиналка! Ведьмой, между прочим, величается! И деньги с людей берет! – выкрикнула она, словно выставив на свет божий страшнейшую тайну.

– Я ничего не беру! – опешила Марийка, и это была ее первая роковая ошибка.

– Видите! – учительница аж подпрыгнула от восторга, окончательно выводя из себя кота. – Она даже не отрицает своего... колдовского статуса!

Одна из теток, с лицом как прокисшее тесто, брезгливо поморщилась. Другая, прищурившись, с недоверием оглядела большой ухоженный дом – он явно не вписывался в ее картину мира о притонах маргиналов.

– Так! – Марийка встряхнула головой, пытаясь отогнать ощущение сюрреалистичного кошмара. – Последний раз! Вы находитесь на частной территории! Если у вас нет документов и ордера – немедленно за калитку! – ее рука взметнулась, указывая путь объемным дамам.

– Документы имеются, – просипела третья тетка, и ее голос прозвучал как скрежет ржавых шестеренок.

Перед лицом Марийки возникло удостоверение инспектора по делам несовершеннолетних. Вслед за ним, словно вытаскивая козырной туз, вторая дама извлекла корочку органов опеки.

– Поступил сигнал, – загудела она высокомерным, гнусавым голосом, – о создании условий, угрожающих жизни и здоровью несовершеннолетних. Антисанитария. Отсутствие присмотра. Налицо.

– У меня?! – возмутилась Марийка.

Вторая ошибка. Возмущаться перед этими дамами не полагалось. Любое возражение, даже высказанное лебезящим тоном, считалось агрессией и неповиновением. А уж Марийкины голос и интонации тянули попросту на призыв к государственному перевороту.

– У вас, у вас! – отрезала тетка номер три, тыча пальцем в кота. – Это что за разносчик заразы? Уличный кот в непосредственной близости от младенцев! Вы о токсоплазмозе в курсе? О гельминтозах? Или вам нормы СанПиНа не указ?

– В смысле «уличный»? Да вы о чем вообще? Он же домашний... – Марийка беспомощно округлила глаза, чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Вам бы лучше настоящих проблем поискать, у порядочных семей детей отбирают!

– А где у вас на лбу написано, что вы порядочная? – ехидно прошипела училка, пьянея от своей безнаказанности. – Вы по всему поселку сбродом непонятным шляетесь!

– Да кто ты вообще такая, чтобы... – начала Марийка, но это была уже третья, фатальная ошибка.

– ВИДИТЕ! – взревела Нина Аркадьевна, обращаясь к теткам как к высшему суду. – Агрессия! Полное неприятие критики! Угрозы!

– Так! Прекращаем этот цирк! – попыталась взять себя в руки Марийка. – Ваши документы еще не дают вам права...

– У нас-то права есть, – перебила ее тетка с лицом из прокисшего теста, и в ее глазах блеснула хищная искорка. – А у вас они есть?

– В... в смысле? – Марийка почувствовала, как кровь отливает от лица.

Ловушка захлопнулась.

– Документы на детей. Свидетельства о рождении. Предъявите, – выдохнула ей в лицо вторая дама, и слова прозвучали как приговор.

– Им... им меньше месяца, – испуганно выдохнула Марийка, ощущая ледяную пустоту в животе. – Мы еще не успели...

– Медсправки из роддома! Форма номер... – начала загибать пальцы третья тетка.

И Марийка в ужасе замерла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.